Островский Николай

1984

29 СЕН 1984 СМЕНА г. Ленинград

СЕГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

«С нами Павел Корчагин в комсомольском строю...»

РЕПОРТАЖ ИЗ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ

ДОМ — В САМОМ центре Москвы, на улице Горького. У входа — беломраморная доска с барельефом и надписью: «Здесь жил и умер писатель Н. А. Островский. 1935—1936 гг.».

Мемориальный музей-квартира... Иду, вглядываюсь в фотографии, вчитываюсь в документы... Вот на снимке — их семья: Алексей Иванович, Ольга Осиповна, Надя, Катя, Митя и Коля, самый маленький. На другом фото мальчик уже в ученической форме. Впрочем, носить ее довелось совсем немного: слишком часто задавал учителю закона божьего каверзные вопросы насчет религии, за что и исключили. В одиннадцать лет нанялся кубовщиком на кухню шепетовского вокзального буфета. Много читает. Любимые герои — Овод и Гарибальди...

Семнадцатый год. Из воспоминаний предревкома Линника: «В Шепетовский ревком пришел худенький вихрастый парнишка Коля Островский. Он настоятельно просил, чтобы ему дали работу, потому что он «не может сидеть сложа руки, когда кругом кипит новая, бурная жизнь...» Островский привлекает к себе внимание живостью, сообразительностью, умными и дельными вопросами. Ему стали давать различные поручения. Николай исполнял их точно и быстро, и его сделали связным ревкома...».

Комсомольский билет № 8144911. Он вступил в члены РКСМ в июне девятьсот девятнадцатого, а в августе ушел добровольцем на фронт («Вместе с комсомольским билетом мы получали ружье, двести патронов...»). В пятнадцать лет стал отважным кавалерийским разведчиком. Бригада Котовского, Первая Конная... Недаром потом так любил песню: «Мы — красные кавалеристы, и про нас былинники речистые ведут рассказ...». В бою под Львовом — сразу два тяжелых ранения...

На стенде — кирка, лопата, лом, кусок рельса... Таким инструментом, такую нитку узкоколейки — от Киева до станции Боярка — прокладывали они осенью двадцать первого. Полуголодные, полураздетые — под дождем и снегом... Бригада, которую возглавлял Островский, опередила всех, но бригадира свалил тиф.

И на сей раз вырвался из лап смерти. Однако вплотную подступила болезнь еще более жестокая...

А он все равно рвется «вперед, на линию огня». Несмотря на боли в суставах, осенью на Днепре, в ледяной воде, спасает сплавной лес. Врачебная комиссия выносит приговор: инвалид первой группы, а он отказывается от пенсии и едет в пограничный район, чтобы возглавить комсомольский райком.

Фото: суровый взгляд, на поясе браунинг — в те дни пришлось гоняться по окрестным лесам за бандами... Из характеристики, данной Бердовским партийным комитетом: «...Проявил себя как энергичный работник с большой инициативой, имеет хороший подход к массам, политически развит хорошо...».

Партийный билет № 025973. На фотокарточке — юноша, которому еще нет и двадцати...

А ИСТОРИЮ ЭТОГО снимка мне несколько лет назад поведала Раиса Порфирьевна Островская...

Тогда, летом двадцать шестого, ее мама, Любовь Ивановна Мацюк, получила письмо из Шепетовки. Писала подруга детства: «Коля болен, лечится в Крыму, врачи рекомендуют закрепить лечение, пожить на юге...». И далее Ольга Осиповна осторожно спрашивала: нельзя ли, чтобы Коля поселился у них, в Новороссийске? Ответ в Шепетовку не заставил себя ждать: «Конечно же, пусть приезжает, не раздумывая». Вскоре приходит весточка от Николая: «Посылаю вам свою фотографию. Давайте познакомимся заочно, чтобы потом, при встрече, на знакомство времени не терять». Рая взглянула на снимок: пышные темно-каштановые волосы, большие карие глаза... Да, тогда болезнь его молодого лица еще не коснулась...

Встретились в июне. Николай еще пытался ходить не на костылях, а с палочкой (вот она, под стеклом — длинная, согнутая: так тяжело опирался на нее всем телом). И, хоть передвигаться было очень мучительно, каждое утро спешил в портовую библиотеку. Снова и снова раскрывал страницы Толстого, Горького, Фурманова, Маяковского... Тянулся к местным комсомольцам, которые и не подозревали, как ему трудно. Люди видели энергичного, волевого, улыбающегося человека, а он в эти же дни в письме друзьям сообщал: «Итак, я теряю подвижность всех суставов, которые еще недавно подчинялись. Полное окостенение... Стал суровым, и грусть у меня, к сожалению, частый гость».

Однажды уже за полночь Рая ждала Николая с партийного собрания. Тревожилась, потому что знала, как тяжело ему добираться издалека, тем более что к дому вела дорога, покрытая щебнем, где костыли разъезжались. Вышла навстречу. Вот и Николай — усталый, измученный... Не только физические страдания одолевали его тогда. Помните, в романе Корчагин на морском берегу решает: жить или не жить? И завершается это трудное размышление словами: «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной». Так вот, эти мысли, эти слова — как раз из той ночи.

Вспомните Таю из романа: история их с Павлом дружбы, их любви повторяет то, что счастливо случилось у Николая с Раей...

Болезнь навсегда приковала к постели, а он назло всем недугам поступает в заочный Коммунистический университет имени Свердлова. Вот под стеклом — его «особое расписание дня» той поры: «чтение художественной литературы», «писание писем», «политзанятия с Раей», «политзанятия с собой»... В графу «потерянное время» входили завтраки, обеды, ужины, отдых без книг... Осенью двадцать седьмого года появилась еще одна графа — «писание».

Девять месяцев работы над повестью о бригаде Котовского закончились трагически: бандероль с рукописью пропала.

Затем удар пострашнее: полная слепота... Очередная операция, девятая по счету, не принесла никакого облегчения.

И тогда он сказал жене: «Придется начать штурм».

РАССМАТРИВАЮ ОДНУ из самых первых страниц рукописи романа: строка сливается со строкой, буква с буквой. Разобрать что-либо трудно... Наконец бессонной ночью он придумал приспособление из картона, трафарет, несколько облегчивший эту изнурительную работу. Двадцать—тридцать страниц за ночь — это уже результат! Но острая боль в суставах рук мешает движению карандаша. Приходится диктовать...

Вот она, долгожданная книга: на обложке — зеленая веточка, которую бережно прикрывает красноармейский штык. «Как закалялась сталь». Известно: сталь закаляется при сильном огне и резком охлаждении. Так же — в борьбе, в победах, в поражениях, закалялся и характер Николая Островского...

КОМНАТА НИКОЛАЯ Алексеевича — удлиненная, с большим окном-дверью на балкон. Тяжелая зеленая штора: яркий дневной свет не должен был раздражать больных глаз писателя, а шум с улицы — мешать работать. Слева кровать, на которой лежит палочка, ее конец обмотан салфеткой. Эта палочка как бы заменяла Островскому скованные болезнью руки: при ее помощи он мог вытереть лицо, поправить волосы... У кровати — электрические звонки, чтобы можно было вызвать из соседней комнаты близких или секретарей... У изголовья — отводная трубка телефона. Лампа-бра прикрыта плотной тканью.

На углу письменного стола — радиоприемник, на стене — репродуктор: они несли Островскому из эфира известия о жизни Родины, всей земли. Большая карта Испании, на которой, по указанию Николая Алексеевича, красными и черными флажками в дни борьбы испанского народа с фашизмом обозначалось продвижение сражающихся сторон... У стены пианино — он не мог без музыки. В шкафу и на полке дивана книги: Маркс, Энгельс, Ленин...

В эту комнату к писателю приходили те, кто, по словам Островского, сохранил свои «крепкие, каленные большевистской сталью сердца».

Здесь он напряженно трудился — в гимнастерке, украшенной орденом Ленина, с ромбом бригадного комиссара в алых петлицах...

В соседней комнате, столовой-гостиной, основное место занимают книжные шкафы. Тут же — пишущая машинка, на которой переписывался текст «Рожденных бурей». Чтобы обсудить первую часть романа, в этих стенах 15 ноября 1936 года собрались члены президиума Союза советских писателей, представители ЦК ВЛКСМ. Открывая обсуждение, Островский сказал: «Прошу вас по-большевистски, может быть, очень сурово и неласково, показать все недостатки и упущения, которые я сделал в своей работе...».

После обсуждения он работал так, словно чувствовал, что времени осталось совсем немного. Окончательное редактирование первой части романа продолжалось почти круглосуточно. Из воспоминаний Раисы Порфирьевны: «За одну ночь Коля продиктовал мне всю последнюю главу «Рожденных бурей»! С шести вечера до четырех утра, без перерыва! Я была потрясена, руки совершенно затекли — Коля диктовал так, что я еле поспевала...».

В письме к «милой матушке», самом последнем своем письме, он писал: «...Данное мной Центральному Комитету комсомола слово — закончить книгу к 15 декабря — я выполнил... Зимние месяцы пройдут скоро, и вместе с весной я опять вернусь к тебе».

Впервые не сдержал слово. Не вернулся. Через неделю Николая Алексеевича не стало... Стрелки его карманных часов навсегда обозначили роковое время — 19 часов 50 минут, когда остановилось сердце коммуниста...

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ изданы в сорока шести странах, на пятидесяти шести языках. Их тираж только в нашей стране — тридцать два миллиона. Среди огромного количества изданий, собранных в этом доме, особенно обжег сердце томик, залитый кровью: солдат сорок первого года комсомолец Федор Федотов носил книгу «Как закалялась сталь» во фронтовом вещмешке... А вот тетрадь, где «Как закалялась сталь» выведено по-вьетнамски: солдат Тран Дык Ки между боями с американскими агрессорами от руки переписал любимый роман...

И еще поразило: тысячи рабочих бригад, смен, участков по всей стране, за рубежом носят сегодня имена Николая Островского и Павла Корчагина. Недаром поется в хорошей песне:

Посмотри — это нами
Покоряется даль.
На КамАЗе, на БАМе
Закаляется сталь.
Полон сил и отваги,
Как когда-то в бою,
С нами Павел Корчагин
В комсомольском строю!..

Л. СИДОРОВСКИЙ,
спец. корр. «Смены»
Москва — Ленинград

● Николай Островский. 1926 год.

42